

МИКРОБ БЕЗРАЗЛИЧИЯ

Рассказ-призыв

На асфальте сидела обыкновенная чёрная дворняжка и смотрела на окружающих симпатичными трогательными карими глазами. Была эта собака не такая, как все: она не участвовала в играх диких свор, не бросалась со злобой на случайных прохожих, что-то разумное мелькало в её внимательном цельном взгляде. Хромая, будто кто-то взял и со всего маху отрубил выше колена её левую переднюю лапу, она постоянно крутилась на своём любимом месте — оживлённом перекрёстке в центре города.

Мария была поварихой близлежащего кафе. Так уж повелось, что и утром, идя на работу, и вечером, возвращаясь домой, эта добрая женщина подкармливала хромую скиталицу. Она даже имя придумала для неё — Жоржик. Собака же глотала всё без разбору с завидным аппетитом, а после того, как наедалась досыта, пускалась с весёлым лаем провожать свою благодетельницу. Эти «встречи» давно стали для обеих ежедневным ритуалом. Самое удивительное, что Жоржик, не имея часов, оказывался на месте встречи точно в нужное время и, независимо от того, зима ли, осень ли, льёт ли дождь или идёт снег, лето ли стоит со своей тридцатипятиградусной жарой, смирно сидел на одном и том же месте, как прикованный, и верно ждал свою «хозяйку». Или, чтобы более точно передать детали, стоял, как статуя без постамента; единственное отличие от каменного произведения искусства было в том, что иногда у пса двигалась голова — то налево, то направо, словно выразительные глаза Жоржика не терпели однообразия повседневной суеты.

Казалось, Жоржик целенаправленно наблюдает за потоком куда-то спешащих или медленно гуляющих прохожих — как будто ищет террористов или наркоманов высматривает. Изредка в течение дежурства собака гавкала, но беззлобно: мол, эй, люди, вы меня видите? Замечаете, что я здесь сижу? Не боитесь меня обидеть?..

Но надо было видеть её радость, когда Мария приходила со всякими вкусностями: собака на своих трёх ножках так высоко прыгала и такие финты выделывала, что, бывало, иной раз аж кувыркалась через голову. Повариха всё удивлялась и всплёскивала полными руками: «Как она танцует! Ты для меня выступаешь, умница моя?» Но чувственная сторона общения «четвероногого» друга и не пахла льстивостью. Животное же не человек, чтобы учиться лицемерию. Неизвестно кем в древности запатентованное средство и по сей день работает исключительно исправно! Если бы дворняжка была человеком, она бы и сумки тяжёлые несла за поварихой. Но она не могла. Она была всего лишь собакой, да и дефектность двигательных опор не позволяла быть необходимой. Зато дворняжка была верной, чего, к сожалению, не хватает мужьям и жёнам во многих семьях. Правда, всегда найдётся злобный язвенник, который бросит желчные фразы: «Не похоже, что она ценит свою свободу. Дрессироваться добровольно? Весьма странное желание». Но это уже другой коленкор и другая песня: макаронная голова далека от победного клика...

Кафетерий, где работала Мария, находился на первом этаже высотного дома, в котором со своим семейством семью этажами выше проживал другой герой нашего рассказа. Емельян — обладатель карикатурной внешности, выдающий себя за любителя домашних животных, много лет отдал службе в армии, чем заслужил доверие какой-то неизвестной политической партии «Без народа я сам воевода», и владел недурной психологической выдержкой, наверное, полслужбы провёл на гауптвахте, где и выработал антиген чуткости. Среди армейцев он был известен своим бесконечным безразличием к окружающему миру и раздутым самолюбием. Ещё в бытность свою старшиной Емельян отвечал за пищеблок. Будут солдаты сытыми или голодными — это его не волновало. Главным интересом старшины было то, сколько ему удастся продать армейского стужённого молока и сколько банок тушёной говядины он реализует для собственной выгоды. Однажды у него получилось сплавить одному знакомому штык-нож. Пронесло. Да, собственно говоря, никто даже и не поинтересовался, куда делось оружие. А во времена перестройки он с позволения начальства перешёл на сбыт огнестрельного оружия. В кого будут стрелять, или чьи дети останутся без отца, или куда будут падать трупы — налево или направо, — эти вопросы его мало тревожили, лишь бы купить себе в центре города квартиру. Он был готов всё армейское имущество распродать, в том числе и честь, или останками лечь в кунсткамере, лишь бы добиться своей цели. Кумекать он умел, а вот сорить деньгами не любил. На вопрос: «Сообразим на троих?» — отвечал всегда отрицательно. И ведь купил квартиру, да ещё и гордился этим: вот я какой, семью обеспечил! Да уж, в чей карман течь, текущая вода дорогу найдёт.

Именно в этой квартире семейство держало своё скотоводческое хозяйство: и кошку, и собаку. Псина Емельяна была гордой породистой немецкой овчаркой, не то что замызганная дворняжка, виляющая хвостом перед женщиной за кусок хлеба. В основном за животными ухаживали домочадцы, сам же глава семьи себя этими хлопотами не утруждал. Несомненно, весьма заманчивый вариант — стиль итальянского правительства. Но этот макет человека охотно при малейшей возможности с высоты своего высокого нрава наблюдал за Жоржиком. Как правило, этим праздным развлечением Емельян занимался, когда у него было свободное время. Попил водочки — и смотри сколько хочешь. Только одно оставалось наблюдателю неизвестным: где же Жоржик проводил не занятое «работой» время? Ведь у него оставалась уйма времени, когда он не ожидал свою повариху. Кто бы разгадал его собачью тайну?

Нам же не каждый день везёт. Бывает так, что целую жизнь фартит с математической точностью, и — бац! — под конец один маленький тромб решает судьбу человека, когда он ещё в самом что ни на есть цветущем возрасте. Но бывает и по-другому. Не везёт, не везёт, и вдруг — на тебе: ты на коне, да ещё и с королевой рядом. Обеспечен «лечь на диван» на всю оставшуюся жизнь, и потомство своё можешь тащить с собой за чужой счёт. Но, оказывается, проблема невезения среди животных тоже распространена. И они привыкли плыть против течения фатума, куда силы есть. Судьба — карусельщик: повсюду гуляет, по старой памяти со всеми обходится услужливо и умеет наносить удары в строго определённых местах, словно она поймала всех с поличным, тем более если день выдался хороший. Тюрьма по ней плачет, и по Емельяну тоже.

В один из промозглых осенних дней дворняга, как обычно, с утра заняла свой пост и ждала кормилицу. Жоржик почему-то был уверен, что за достойное ведение дежурства он обязательно заработает лакомый кусок, поэтому сидел и терпеливо ждал: чего не сделаешь ради того, чтобы выжить. Но повариха не приходила. Увы, в этот самый момент Мария лежала в реанимации после операции на головном мозге. Накануне у неё случился инсульт — едва успели довести до больницы и спасти. Отведённые на собачье дежурство два часа прошли, и всё это время, изредка выходя на лоджию, Емельян нет-нет да бросал взгляд вниз: на месте ли охранник перекрёстка? Да, он там и сидел. Работу не менял, в отличие от некоторых бегунов, которые на каждом предприятии работают по неделе.

— Она опять здесь. Как дела, старина? — будто Жоржик его слышит или понимает.— Продолжаем ждать или просто сидим, прохлаждаемся? Не знаешь, как избавиться от нужды и страданий? Смотри, малоподвижным образом жизни здоровое телосложение

не зарабатываешь, потом даже не сможешь попросить: «Дайте ложку муки на похлёбку!» Зачем тебе кому-то лизать пятки? — многозначительно улыбаясь, издали спросил Жоржика Емельян. — Лучше стащить, чем ждать ломтя с небес. А Он, — тут пенсионер поднял палец вверх, словно знал, где в этих случаях Всевышний скрывается от своих творений, — заставит только манной небесной питаться. Будь умнее! — проявляя откровенное любопытство, довольно оригинально, как он считал, съязвил Емельян — нынче бесовестный пьяница и «важный» житель мегаполиса, для которого возможность обойти закон являлась сущей необходимостью, — и с удивлением продолжил: — У пса такая совесть, что в пределах зримой достижимости едва ли найдёшь кого-то, кто бы так честно нёс свою службу. Хотя бы и ради маленького куска хлеба.

Зажигательная речь, отражающая духовную «личность» человека. Даже базарная баба лучше не скажет о непрерывной победе хаоса, а тут офицер... В принципе, видим мы только то, что хотим видеть. Трудно, но нужно верить.

Сегодня Емельян не пошёл на работу — как говорится, взял отгул: устроился он охранником в элитном доме. Авось что-нибудь от состоятельных жильцов к нему привалит. Хайям говорил: «Богатства не нужны гниющему во мгле». Но есть живые — хуже, чем мёртвые! На сегодня у Емельяна было запланировано сходить в жилищную контору и оформить некоторые документы, касающиеся собственников квартиры; пока ему не до чужих денег было. Широко распахнув окно лоджии, мужчина снова глянул на перекрёсток. Собака по-прежнему сидела на своём месте, но было видно, что она обеспокоена. Дворняжка часто крутила головой, искала кого-то, скорее всего — Марию, но без толку. Жоржик останавливал вопрошающий взгляд на лицах проходящих мимо людей, однако те безучастно продолжали свой путь, и никто не предлагал: «Пойдём со мной». Поиски увенчались неудачей.

Вот так и с нами бывает: очень часто, притом с сопровождающим душу сокрушительным чувством разочарования, наши ожидания не сбываются. Мы ждём, ждём, а они не осуществляются; может быть, где-то наверху боятся, что наша жизнь станет намного веселее и богаче. Бездействует небесная канцелярия, да и обратное верно: мы тоже не идём мечтам навстречу, хотя бы в виде исключения. Есть же у любителей домино боевой клич: «Забьём козла!» Вот и тут имеется неплохой девиз: «Как он, так и я». Увы, это уже привычное удовольствие в мире кукольного театра! Безжалостное разрушение — вот наш конёк. Мы и кашу личного падения можем заварить, причём не только для себя, но и для других. Искусно и плодотворно! Тут уж не до смеху. Скорее, завоешь

благим матом, потому что кто, как не мы, любим привести в исполнение приговор против себя?

Если с ударами судьбы ещё можно как-то бороться, то голод может довести до чего угодно, он, словно движущая сила огня, заставляет двигаться все шарнирно связанные части еле живого организма. Посему, как у людей, так, видимо, и у животных, есть чаша терпения. Великая загадка бытия! Одним своим видом собака словно говорила: «Не знаю, что делать... Я тебя жду, жду, а ты не приходишь. Что случилось? Как я буду без тебя жить? Кто мне подскажет?» Не выдержав, измученная неизвестностью дворняжка, уже проявляя эмоции менее бурно, решила отправиться на поиски своей мнимой хозяйки. Ей сейчас очень нужна была, хоть и мимолётная, любовь Марии. Собака подошла к светофору. В это же время наблюдающий за ней Емельян — абстрактный образ ошибки природы — интенсивно напрягал мозговые извилины: «Что же этот день ещё необычного приготовил? Интересно, различают ли собаки цвет? Может быть, они дальтоники? На какой же сигнал она пройдёт — запрещающий или разрешающий?» А что же Жоржик — законченный идиот? Безусловно, нет. Он на улице русский язык слышит, а не иностранный, и прекрасно его понимает. В конце концов, ему всего лишь улицу надо переходить, а не казачок танцевать! Пёс дождался, пока включится силуэт зелёного пешехода, и перешёл вместе с людьми проезжую часть. Умница! Работники дорожного патруля, затаившиеся недалеко от перекрёстка, остались без работы: у них не вышло дать штрафную квитанцию в зубы Жоржику.

На противоположной стороне дороги, прыгая на своих трёх ножках, собака обшарила близлежащую территорию, обнюхала каждого прохожего, но тщетно: никаких следов хозяйки она не нашла. Вновь подошла к светофору, дождалась природного цвета лесов на неживой стойке, вернулась к своему постоянному месту и опять заняла привычный пост. Минуты неловко тянулись; к сожалению, осенней красоты природы, воспетой поэтами, было недостаточно, чтобы отвлечь собаку от голода. Больше пяти минут усидеть на одном месте Жоржик не мог, он словно перестал нормально соображать, порой по его дёрганым движениям казалось, будто его истязают ненасытные насекомые: наконец-то и собака спустилась с небес на землю...

Емельян, продолжающий наблюдать за происходящим с высоты, с чрезвычайным интересом задал себе вопрос: «Почему она прошла туда и обратно, а теперь сидит на том же месте?» Он не знал про душевную женщину, которая единственная из всей этой безразличной массы людей по-человечески относилась к четвероногому, точнее — трёхногому, другу человека. Видимо, поступок

поварихи в современном мире, затопленном безразличием, уже называется необычным человеческим поведением.

Пока Емельян стоял и курил, к нему подошла кошка и, несмотря на пасмурную погоду, устроилась на подобии подоконника лоджии. В это время дворняжка ещё раз, строго по правилам дорожного движения, пересекла проезжую часть и опять, помотавшись туда-сюда, вернулась на свой пост. Измотанный вид Жоржика словно говорил: «У меня нет больше надежды». Емельян задумался, вспомнив о неустойчивой натуре человека: «Неужели животные что-то понимают? Неужели у них тоже мозги есть, чтобы „не регулировать“, как у людей, противоречия между мыслью и действием? Разве они способны на что-то серьёзное? Она, вероятно, что-то помнит, кого-то ищет. У неё явно есть какие-то проблемы. Мне уже любопытно, чем это кончится».

Вот именно: всего лишь любопытно! Емельян забыл, что он тоже из мира животных! Неужели этому отставному «защитнику» страны не было известно, что где пирожок, там и дружок? Чтобы понимать, надо думать, а процесс обороны мыслить не требует, лишь бы были деньги, которые способны всё человеческое истребить. Посему, пока Емельян, комментируя происходящее, варился в огне своих «мыслей» и «размышлений», дворняжка, точно соблюдая дорожные правила, раз десять пересекла оживлённый перекрёсток. За это время мужчина выкурил аж три сигареты подряд. Английская практичность! Емельян с таким же успехом мог бы очень гладко выбриться или тщательно вымыться. Но нет, он продолжал бездушно смотреть на метания пса. У наблюдателя даже подозрений не возникло, что собака может угодить под колесо любого проезжающего автомобиля, он не догадался спуститься вниз и отвести животное на безопасное место или хотя бы предупредить громким окриком, шугануть собаку: «Да будь же ты осторожна. С огнём играешь. Хотя бы придумай что-нибудь поновей. Собьёт машина, и живучесть тебя не спасёт!» Нет, армейский пенсионер стоял и наблюдал, чем же закончится занятая история. Взрослый мужик, занялся бы лучше полезным делом, ан нет. Заразился микробом безразличия и сейчас вовсе болел бичом нашего времени — «равнодушием». Скажите, кому нужны ласки без тепла? Отзовитесь...

Собака, то ли от голода, то ли от длительного ожидания чего-то хорошего, не вытерпела, сорвалась с места и побежала навстречу избавительнице от всех бед...

В это время для Жоржика горел запрещающий добрые чувства сигнал. Устал ждать, бедняжка.

Говорят, что число «тринадцать» — чёртова дюжина — плохая примета. Американцы так его боятся, что у них даже в самолётах

тринадцатый ряд отсутствует. Так говорят. Этот переход Жоржика тоже был тринадцатым. Ну вот и произошло то, что неизбежно должно было произойти: водитель машины, которая неслась на собаку, не смог затормозить, и животное оказалось под колёсами. Жоржика сбили насмерть. Видимо, отступить ему было некуда, заторопился и превратился в кегельный шар. Емельян всё это видел, но в его сердце ничего не ёкнуло, лишь где-то в недрах мозга противно зашевелилась мысль: «Вот животино, не боится смерти... И ухом не ведёт... Сонная тетеря, не терпится умереть? Всё равно это меня не касается... Я только время потерял». Животное чувство! Тем не менее рука его дёрнулась, и непотушенная сигарета жарким концом попала прямо в нос его любимой кошке, которая от неожиданности подпрыгнула и полетела... с верхних этажей дома и распласталась на асфальте, как музейный экспонат: неподвижная плоская шкура с головой.

— Ой, моя кошка! — да, именно «моя кошка», а не колхозная.— Что же ты наделала? — зашмыгал носом импотентный человек кладбищенскую песню...

По плохой дороге далеко не уйдёшь, значит, и для равнодушных тоже существует понятие «потеря». Бог с ним рассчитался. Кабальные условия! Только непонятно: почему общий друг человечества, точнее, безвольной его части — обиженных, нищих, слабых и ленивых,— выбрал для урока именно животных? Драконовы законы! Или с полной уверенностью напрашивается на комплимент? Однако Омар Хайям хоть и жестоко, но и в этом разобрался:

Не смерть страшна. Страшна бывает жизнь,
Случайная, навязанная жизнь...

Бывали же времена, когда мягкотелость расценивали как преступление. Моральное преступление! Разве равнодушие на меньшее тянет? Как бы вы жалостливо ни попросили безразличного: «Не делаете ли это для меня?» — вы для него чужой, да им и останетесь...

До сих пор всё было чин чином. Всё же судьба, которая никогда не захочет построить на земле рай (вот это был бы номер!), объединилась с дьяволом, и они на закрытом голосовании для Жоржика и Емельяна, несмотря на их разное социальное положение, выбрали кинжальное действие взаимного истребления. Вместо того чтобы заниматься вызыванием дождя орудийными выстрелами в пустынях, фатум и демон пытаются усовершенствовать закон естественного отбора Дарвина. Посему законнорождённый Емельян словно в один миг потерял тонну драгоценных камней и готов был вышарить весь мир на предмет справедливости, даже если бы для этого ему пришлось держаться за воздух. Свою кошку Емельян кормил лососёвыми консервами; золотой ложки, правда,

у животного не имелось, но, будь возможность, потчевал бы любимицу и чёрной икрой, ведь при хорошей жизни можно себе позволить всё; поэтому сейчас мужик находился в экстазе, то бишь был вне себя — его будто жарили в духовке. Долгие годы служивший в армии, Емельян должен был знать, что «Здравия желаю!» не означает: «У всякого свой обычай, а у осла — ослиный!»

Закон отражения — закономерность. Поступок индивида зависит от дозы равнодушия в его крови. Тоже закономерность! Ну да, от своей тени не убежишь. Равнодушие кому-то — враг, а кому-то — друг, но народ остерегает: «Лучше честный враг, чем коварный друг». Пословица недаром молвится... А уважаемые физики говорят по-другому: «Механические колебания затухают из-за трения». Что подделаешь, краткий информационный материал до человека долго доходит. Извилистость дорог шапками не закидаем, тут нужны инженерные войска...

А что собака? Тем более собака, задавленная машиной? Она была чужая. Ну, раз она чужая, то, значит, заслуживает быть выброшенной на улицу, бегать голодной и погибнуть под колёсами. Такие обездоленные и раньше существовали и жили как-то сплошь и рядом, и теперь они не исчезли. Однако если ты не нужен никому, стоит ли задерживаться в этом бренном и безразличном мире? Давайте всё же не будем забывать о том, что всё переменчиво, и колесо фортуны — весьма капризная штука, и однажды голод и отсутствие крыши над головой могут коснуться того, кто вот так же равнодушно проходит сегодня мимо брошенных, считая себя в безопасности. Каждый день на улицу выбрасывают собак и кошек, а завтра выбросят, как ненужную вещь, старых родителей, при этом оставляя дома ими же запасённую на зиму квашеную капусту. Поэтому, господа автомобилисты, будьте внимательнее на дорогах и не давите чужих собак, потому что на их месте может оказаться родной вам человек. Безразличие рано или поздно карается. Не стоит заражаться этим коварным микробом, успокаивая себя: мол, ежедневно же усыпляют собак сотнями, тысячами. Поймите: это кощунство! Хотя бы потому, что потом эти собаки попадают в мясной комбинат и превращаются в колбасу. И в этом не они виноваты. А кое-кто другой, считающийся «венцом природы», который, как трусливая собака, лает из подворотни о честности.

Если вдруг вы случайно рядом с собой услышите: «Давай я тебе помогу», — поверьте, это не будет карикатурой на современную жизнь. Не нужно, расписываясь в собственном невежестве, с маниакальным упорством задавать вопрос: «Сколько стоит ваша помощь?» Поверьте в чудо соучастия. А как же иначе? А если вдруг вы однажды ласково спросите пострадавшего от произвола

беззакония: «Давайте я вам подскажу, как найти истинный путь к справедливости», — то будет больше шансов, что Правда захочет подружиться с вами, а не предъявить вам ультиматум.

Разве человек, превратившись в отшельника, может существовать изолированно от окружающего мира? Существовать может, а жить как Человек не сможет. И ещё: не стоило бы человеку, заражаясь манией величия, ждать бесконечно манну небесную, потому что на небесах тоже уже жалуются: «Тяжела ты, шапка Мономаха!..»

Подайте друг другу руку в трудную минуту, ведь от этого мы все только выиграем, а может быть, кому-то хоть чуточку легче станет. Уехавши поросёнком, вернуться свиньёй — немудрёное дело, а вы попробуйте стать человеком. Чтобы не оставить камня на камне, нужно иметь такое сердце, которое не знает, что такое любовь. Она очень обидчива, не пугайте её, а то расправит крылья и, оставаясь глухой к голосу разума, улетит. Магнетические явления полностью не раскрыты, а любовь собаки, да и вообще сама любовь — тем более. Попробуйте же это разгадать, принесёте пользу всем, поскольку нельзя быть уверенным в том, что жизнь никогда не изменится...

Клинические условия для лечения больного помогли Марии прийти в норму, и она вышла из больницы. Теперь уже сердобольная женщина ежедневно ждала, когда же Жоржик её встретит: «Сиротинушка ты моя, где ты пропадаешь?» Она словно потеряла символ начала и конца успешного рабочего дня. Но любимец не приходил. Он просто не мог прийти. А если бы мог, то никогда не заставил бы себя ждать — прибежал бы и, радостно-тревожно виляя хвостом перед поварихой, спросил: «Чем ты так взволнована, дорогая? Я тебя люблю, очень люблю...»

Откуда Мария могла знать, что Жоржик погиб из-за её доброты? Разумеется, ниоткуда, а если бы узнала, снова попала бы в больницу. Поэтому не рассказывайте ей, что произошло, пусть она ждёт и надеется, что когда-нибудь пёс вернётся и скажет: «Что ещё тебе нужно, Мария, для счастья? Ты так и не смогла заразиться микробом безразличия. Разве это не счастье, притом очень-очень большое?..»

Говорят, использование каменных орудий труда длилось сотни тысяч лет. Наверное, так оно и было. Потом люди научились превращать воду в пар и извлекать из этого выгоду. Пар — движущая сила для тепловой машины, а любовь — для человека! Вот это и есть самая мощная социальная гарантия, которая в состоянии противостоять лозунгу: «Бери от жизни всё и чихай на всё остальное!» «Неисправные тормоза в автомобиле рано или поздно обязательно приведут к аварии, это необходимость, а куда машина врежется или кого задавит — это случайность», — так мудро резюмируют философы; а для того, чтобы принять окончательное

решение, когда быть умным, сердечным и мудрым, нет нужды дожидаться старости...

Июнь 2012

ГОЛУБЬ МИРА

Один из миллионов обычных дней. Ничем не примечательный. Небо в облаках. Белых. Кажется, они, такие мягкие, пушистые, ласковые, могут любому раненому прийти на помощь и убедить от неприятностей.

День у каждого по-разному начинается. Кто-то просыпается с улыбкой, вспоминая, что ему обещали дать сегодня, а другой — со вчерашней головной болью: где я на всю семью еду найду? Вкратце: один продирает глаза для того, чтобы сегодняшней день прожить счастливо, а другой — попытаться удрать от горя. Разумеется, если повезёт...

Война есть война. Ничего хорошего в ней нет и не может быть. Это катастрофа, трагедия, но есть нечто пострашнее войны. В обиходе бегают такая фраза: «дети войны». Видавшие войну мальчишки и девчонки во взрослой жизни стараются избегать жестокости, но порой, переломившись в душе, сами становятся беспощадными, притом успокаивая себя словами: «Делать добро? О чём вы? Это же самое гнусное и пустое занятие...»

Расул был орнитологом. Во дворе он сделал голубятник и там держал разноцветных красивых голубей. Иногда птичник отпускал их на волю, те летали над лесами, над дорогами и смотрели, чем занимаются собратья их хозяина. И всегда прилетали обратно, все до единого, стоило Расулу лишь свистнуть. А свистел он по-особому: заложит два пальца в рот и со всем напряжением души выдохнет воздух из лёгких. Сочный звонкий пересвист оглашал округу, и все слышали и знали: это Расул зовёт своих подопечных домой. Рядом с ним постоянно крутился его семилетний сын, добродушный и улыбчивый Ильяс, но отец не разрешал мальчику брать голубей в руки, боясь, что тот зажмёт их слишком сильно. Расула очень расстроила бы потеря даже одного голубя. «Жить — это уже счастье!» — говорил он...

Шла война между бывшими братскими народами. Расул, как всякий чистый душой человек, был убеждён, что поскольку он — мирный житель планеты, его самого и его семью не тронут: «Если природу не смущает моё присутствие, почему разумных людей оно должно беспокоить?» И хотя его неоднократно предупреждали о лютости врага, он отмахивался: мол, мы попозже уедем. Некоторые его даже предателем называли, естественно, за глаза...

В тот день почему-то ворон было слишком много, словно отовсюду собрались они на кряжистом дубе, который рос рядом с домом Расула, и тревожно каркали...

Старый ворон зря не каркает, так он предупреждает народ о надвигающейся беде.

Идёт по пыльной деревенской дороге взвод до зубов вооружённых солдат: все как на подбор — высокие, здоровущие. Лица непроницаемые, но с мелко спрятанной где-то глубоко в пустых глазах тревожностью. У всех автоматы наготове. Неожиданно к ним навстречу выбегает Ильяс. Курносый миловидный мальчуган с чёрными короткими волосами, в белой рубашке, в чёрных штанишках. Он выбежал к ним, держа в руках белого голубя:

— Дяденьки! Дя...

Восторженный детский голос исчез в страшно грохочущих автоматных очередях.

Первая пуля пролетела с огромной скоростью мимо уха Ильаса, он опешил, а дальше... На месте мальчика осталось кровавое месиво. Но голова ребёнка была цела. На его губах замерла улыбка, самая настоящая беззаботная мальчишеская улыбка. А голубь улетел, словно Ильяс попросил его: «Передай мою просьбу всем. Пусть не воюют». И голубь улетел в другие миры, чтобы сообщить: «Смотрите, какие звери бывают! Люди, война — всепожирающий монстр!» Его даже разноцветные бабочки не отвлекли от творения мирных дел. Из кармана пацана выпал бумажный кораблик. Следом воцарилась зловещая тишина...

Никому не дано право изменить час смерти и судьбу, никто этого не сможет...

Один солдат, худой, как привет из Бухенвальда, но жилистый, с чешуйчатой кожей, пытался ещё и птицу пристрелить, но та упорхнула. Говорят, у солдата не руки, а ноги длинные — отрезать бы конечности у тех, кто детей убивает. Весь взвод был в шоке... Командир застыл над мёртвым телом... Мир попал во власть оглушительной тишины. У старшего даже язык не поворачивался, чтобы дальше отдать команды и нарушить покой вечного сна мальчика, которому словно подарили непреходящее детство...

Люди добрые, скажите: как матери этих людей будут смотреть в глаза друг другу? Одна родила солдата, чтобы тот родину защитил, а не для того, чтобы боец стал убийцей малолетнего ребёнка. Другая родила сына и лелеяла надежду, что он обязательно выберет мирную профессию и будет приносить людям пользу, а если вдруг станет гением, то ещё и открытием каким-нибудь человечество осчастливит. И как жить после этого? Судьба в состоянии приготовить любой коктейль для любого человека, у неё в заплечном ранце много всего

припасено. Она, сама совершая насилие, учит и нас на своём примере ни за что проливать кровь, притом вечно нуждаясь в нас...

Разве война — признак всеобщего прогресса?

Слышу ехидный вопрос: «Кого вы спрашиваете?» Отвечаю: «Всех нас!» Возможность получать удовольствие от любимой работы продлевает жизнь человека, но неужели можно улыбаться, устроив живодёрню? Не проще ли организовать Всемирный потоп, чтобы одним махом исчезла вся боль с лица Земли? Постепенно воцарится тишина, и времени не останется смыть позор кровью. И Бог притворится равнодушным, пока люди займутся выводом из организма ядовитых веществ. Он же наш общий...

Взвод не успел замести следы. Услышав выстрелы, орнитолог выбежал на улицу и окаменел... Расул, когда забирал ребёнка с дороги, точнее, то, что от него осталось, не мог даже клясться: «Рано или поздно беспощадно отомщу убийце сына!» Этого человека гибель рассады, деревьев, природы и любых живых существ приводила в отчаяние, и душа его заливалась слезами, а тут он даже заплакать не смог. Ничего не смог. Но однажды зажжённый огонь ненависти не позволит собаке с волком ужиться...

Увы, и его застрелили...

Говорят, деревья умирают стоя. Расул тоже умер стоя, раньше, чем упал с останками сына. Его убил тот же солдат в ефрейторском звании, который хотел пристрелить голубя. Кровожадной душой и ненасытными глазами...

Умирающий в последнее мгновение жизни успел увидеть в глазах того солдата его беспутную молодость и, может быть, понял, что он и есть убийца его сына.

Узнав о гибели своих близких, жена Расула повалилась на колени, слёзы её падали непрерывно; казалось, так и будет продолжаться до последнего её вдоха. Женщин часто слёзы спасают, но ей даже в этом отказали: несчастная женщина тоже попала в лапы гнусных военных преступников. Те же самые солдаты заломили её руки и изнасиловали. Больше всех старался жилистый. Он пожирал женщину голодными глазами, в которых горел огонь желания и ненависти. От безумного вождения извращенец крикнул:

— Кукареку! — точно петух пришёл! — Ты замечательная женщина! Мы с тобой чуть-чуть побалуемся. Можем же мы себе это позволить? Как думаешь?

Другой добавил:

— После этого исчезают головные боли. Ха-ха-ха!!!

Женщина становится лёгкой добычей, когда рядом с ней нет сильных мужчин. Жена Расула не слышала своих мучителей, она даже не могла кричать, ей казалось, этому не будет конца... Конец пришёл...

Жилистый ножом рассёк её грудь крестом, горем насыщенный раствор сочного красного цвета окрасил несчастную... и её убили. Палач напоследок бросил:

— Вот и всё, а ты боялась. Вот так и убьём вас всех!

Сделали они это нарочно. Чтобы скверные навыки не были утрачены. Кому нужна нравственная атмосфера «варварских пережитков»? Вот, пожалуйста, наглядный пример чистой деятельности: после нас хоть трава не расти...

Мороз по коже дерёт...

Солдаты, тщательно помыв руки в проточной воде, подошли к командиру и начали с непристойными подробностями рассказывать о том, что натворили. История не прибавила командиру оптимизма, его светло-янтарные глаза уставились на жилистого:

— Как прикажешь тебя понимать?

Он был в бешенстве и кипел от ярости, размышляя о гнусности братоубийственных войн и о цене человека в ненужных войнах.

— Я только что понял: война — это кайф. Теперь нисколько в этом не сомневаюсь.

Ефрейторский конструктивизм! Коренным образом отличающийся от нормального мышления. Такого бойца нужно кормить не кусочками колбаски, а сырым мясом: змея меняет шкуру, но не меняет натуру.

— Закрой свой поганый рот! — громко вырвалось у командира, который поднялся с корточек, и все слышали, как щёлкнул затвор автомата. — Кто бы ни была женщина, она прежде всего — мать. Спасибо за напоминание, я вспомнил свою мать. Понимаешь? — он заорал. — Мать!

Дальше последовала очередь. Двое свалились на землю, а жилистый полетел кувыркком.

— Боец умирает один! Но вы все трое ни к чёрту не годились. Шакалы юродивые...

Совершенно верно. Хочешь жить свободно — заплати! Самый настоящий пример каноничности...

...Сидит на лавочке давно потерявший полноценную личную жизнь старик с чёрно-белой бородой, сильными отёками под глазами, в не стиранных больше года носках. Без ботинок! Расширенными зрачками он смотрит на всех мимо проходящих; кажется, мотая головой то налево, то направо, он изучает кипучую жизнь своих современников. Иногда он уставится в одну точку и не может осознать, где находится, и может оставаться в такой позе несколько часов. Он не реагирует на щебетание птиц, а может быть, делает вид, что ничего не замечает. Мир потерял в его глазах ценность. Увы, от беды не спрячешься.

И никто не знает, что ему всего лишь тридцать лет.

Только что вокруг не было ни души, а тут вдруг из-за угла ближайшего дома выбежала группа пацанов, играющих в войнушку, у всех в руках палки. «Старик», почему-то вытерев рот тыльной стороной ладони, лихо срывается с места и, как безумный, обхватив голову двумя руками, мчится прочь, словно в него влили солидную порцию адреналина, издавая при этом жуткий вой:

— У-у-у-у-у!!

Мальчики на минуту утихли. Любопытные детские глаза провожали убегающего.

— Наверно, он рехнулся,— сказал один из ребят.

Неприятная сцена.

Но холодный воздух быстро отрезвил детей, и они, улюлюкая, будто загоняя дикого зверя, побежали за беглецом. Кто-то кормил голодных голубей, безрассудный врзался в эту мирную стаю птиц, а те с испугу вспорхнули, да ещё все вместе. Рядом росло корявое дерево, и птицы уселись на его ветвях.

— Всевышний, я у тебя не просил себе долгой жизни,— и безумец рухнул как подкошенный, едва успев прошептать: — Я не забываю.

Отец Небесный его в беде не оставил, дал ему лекарство с сильным снотворным эффектом. Смертью называется...

Это был не кто иной, как тот командир. И это конец войны, но бесславный. Мальчик погиб. Он так хотел принести мир в нашу жестокую жизнь, он хотел делиться своей любовью с окружающими, но ему не дали. В тот день — то ли по закону подлости всё произошло, то ли птица пожалела пацана и села прямо Ильясу на руки, а мальчик прыгнул от радости в другой мир... Вот так часто мы убиваем зачатки доброты в наших душах и потом удивляемся: откуда такая ненависть? И ещё поражаемся: кто нас учил постоянно устраивать Мамаево побоище?

Однако душа Человека говорит: «Нельзя пощадить тех, кто разрушает мосты, по которым потечёт добро от сердца к сердцу». Нельзя! Нельзя! Нельзя простить...

Законы задним числом не пишут. Так утверждают. Мы способны поймать момент, чтобы не дать бесчеловечным длинным рукам «Доброе утро!» превратить в остатки вечного сна. Это — аксиома! Но перестанем ли мы искать ложь в каждом взгляде?..

Январь 2013

КЛЮЧ

— Что ж ты в таком нецензурном виде на людях разгуливаешь, а, Крючков? — окликнул кто-то бредущего по краю тротуара

долговязого мужчину, вид у которого был и правда несуразный: поношенный голубой пиджак небрежно накинут на плечи, рубашка, криво выпущенная поверх измятых брюк, и болтающийся из-под неё ремень создавали впечатление, что человека изрядно потрепали — или в драке на китайском рынке, или сама жизнь.

— А, это ты, Панкрат. Да так...— понуро вздохнул шедший, обменялся с собеседником вялым рукопожатием и неловко попытался засунуть длинные руки в карманы.

— Ладно, не стесняйся, выкладывай,— ухмыльнулся не менее неуклюжий товарищ, в очередной раз поправляя на себе мешковатую безрукавку.

— Чего рассказывать-то?.. Повздорил вчера с женой и в споре легонько стукнул её по пустой голове, чтоб не верещала, а она схватила чайник с кипятком да как бросила в меня, а дело-то было ночью...— без особого желания поведал о своих печальных семейных приключениях Ефрем.— Чайник попал в пах — знала, куда метит, стерва! — но, слава Богу, вода из него выплеснулась в сторону.

— А что ты по ночам-то не спишь? — вполне серьёзно спросил Панкрат.

— А тебе какое дело, чем я занимаюсь дома? Сам же любопытствовал, вот и будь любезен — не перебивай! Ты просто не представляешь, как мне повезло... Ладно, пошли в пивак, выпьем с горя «жидкого чайку».

— Слушай, у меня денег нет,— почесав затылок, жалостливо проскулил хитрый Твердолобов.

— Откуда у старухи трудодни, коль в колхозе не работает? Ха-ха-ха!!! Пошли-пошли,— и горе-семьянин украдкой показал, не вытаскивая из глубокого кармана брюк, горлышко бутылочки беленькой.— Она всегда защитит от невзгод! А бабла у тебя никогда и не было, хотя это странно: железнодорожники ведь неплохо получают.

Пиявка присосалась.

— Богатый ты, черт возьми,— у Панкрата от вожделения загорелись глаза, водка для него часто становилась важнее самого святого.— Ладно, в следующий раз я угощу тебя. Мои запасы истощились,— и безоговорочно признался в причине своей нищеты: — Нам пока зарплату не дали...

И старые приятели не спеша, вразвалочку, походкой, присущей людям, уверенным в следующей минуте своей удачливой жизни, направились к пивбару, который находился рядом с прекрасным зелёным уголком города. Крючков взял каждому по три кружки пива, и друзья сразу же, не откладывая удовольствия, пропустили по одной, в следующую порцию пенистого сам Бог велел добавить водки, ну а третий бокал отполировал первые два. Ефрем отправился к барной

стойке за дополнительной дозой освежающего напитка и принёс ещё четыре бокала; между делом в пылу распития оба усердно поливали «комплиментами» своих домашних «злых ведьм». Порой собутыльникам казалось, что они развлекаются в лесу, на заросшей уютной травой полянке, — так естественно они себя никогда не чувствовали.

— Слушай, Крючков, я тебя вообще не понимаю, — щёлкая арахис, важно начал воспитывать спонсора Твердолобов. — У вас детей нет, взял бы кепку, куртку, натянул ботинки да свалил бы из этой тюрьмы, нашёл бы себе милую барышню, которая за небольшую ласку с твоей стороны согласится в старости стакан воды тебе подать. И живи по-человечески, радуйся. Брось ты эту свою замызганную Фёклу, она ещё немало сюрпризов тебе преподнесёт. Сделай это, и тогда я тебе первый скажу: «Наконец, мужик, ты избрал правильный путь», — проглатывая пиво большими глотками, показал другу верную дорогу «колбасник».

— Ну ты, туловище без головы! Однако хорошо сказано! Ты заслуживаешь самого высокого учёного звания. М-м-м... Напутственно и фундаментально, — обдумывая, как содержательнее ответить, заплетающимся языком пробубнил не привыкший к поспешным выводам Ефрем. — Да, сегодня она — Фёкла, а завтра я стану как красная свёкла. И представить боюсь, что будет потом, когда она найдёт меня и спросит: «Где твоя семья?» Выпустит всю мою пунцовую кровь своими блестящими белыми зубками — ответить не успею... Да, мне невыносимо тошно и скверно рядом с ней, но и умирать я ещё пока не намерен...

— Ты был её рабом, им и останешься... Этого следовало ожидать. Ты её страшишься, — щёлкнул пальцами Панкрат, вернее, попытался щёлкнуть, так как они всё время разъезжались от опьянения. — Никак не хочешь ощутить долгожданную свободу. Вот смотри: ты считаешь, она будет рада видеть тебя в таком виде? Думаю, нет. А надо искать женщину, которая всегда будет тебе рада, каким бы ты ни был! Тогда твоё имя не исчезнет из этого мира без следа!

Подобная искра остроумия, вдруг сверкнувшая в Твердолобове, способна заставить написать стихи, поэмы, роман, даже завещание после смерти...

— Чего ты впустую воздух молотишь? Распустился, как барышник! — горячо возмутился Крючков, но, тут же успокоившись, добавил: — Ты думаешь, так легко от неё избавиться? И что принесёт мне будущее? Короче, меняем тему! Сам разберись.

— Да брось ты, не канючь. Я бы от такой бабы давно избавился. Вот гляжу я на тебя...

— Вот-вот, сегодня подумай, завтра скажешь. Слушай, Панкрат, я тебе и пиво купил, и водочкой угостил. Почему ты уверен, что имеешь

право меня оскорблять и поучать? Где твоё джентльменство?.. Змей! Не зря у тебя фамилия Твердолобов. Ещё бы назвали Пустоголовик. Ха-ха-ха! Раскинь не имеющимися мозгами! Ну как, звучит?

— Звучит-звучит,— опустил голову Панкрат и задумался: «Вера первобытных людей в существование духа во всём анимизмом называется, а Крючков занимается нехорошим делом, и, как мне кажется, называется это почти так же».

Кратковременные вспышки света закончились, хотя что спьяну в голову не взбредёт! Иногда и научные открытия играючи совершаются. Ефрем пошарил по своим карманам. Захотел купить ещё пива. Что-то нащупал, а когда стал вытаскивать, обронил ключи от квартиры. Те упали на его же ботинки, и лишь потом — на пол, так что их глухой стук, увы, не донёсся до мужика.

— Ладно, Крючок, раз теперь ты меня оскорбляешь, тогда пойдй возьми ещё по бокалу, — разгадал намерение приятеля Твердолобов. — Выпьем и пойдём, — не стал он ломать старый обычай «на посошок».

Крючков, прислушавшись к мнению «большинства», выписывая пьяными пятками вавилоны, кое-как добрался до стойки, но всё-таки смог принести, не разлив, два бокала пива. Выпив, они начали обниматься и, истерично крича, горланить песни. Вскоре из бара их благополучно вытурили, и друзья, утомившись, поплелись по домам.

Ефрем с грехом пополам достиг своего дома, а он был пятиэтажный. Лифт в таких зданиях не предусмотрен, и превратить иногда движимое «недвижимое имущество» подъездов в туалет после дербалызнутого пива не имелось возможности. Чего нет, того и не имеешь! Крючков кое-как поднялся на четвёртый этаж, тщательно считая ступеньки лестницы. Он выполнял это упражнение ежедневно, в чём проявлялся его явный математический талант. Подойдя к двери квартиры, пьяный мужик позвонил, но ему никто не открыл. Ефрем озадаченно сдвинул брови, долго и неумело ковырялся в карманах, а ключей-то тью-тью.

Мы же взрослые люди и прекрасно знаем, что требуется человеку после пива. Вот и Крючков, забыв о том, что минуту назад жаждал зайти в квартиру, сбежал стремглав по лестнице вниз, нашёл укромное место за толстым стволом дерева и пристроился, уронив от наслаждения голову на грудь. Он успел только выдохнуть:

— Вот теперь я понимаю, что такое настоящее счастье! — а дальше уже ничего не помнил.

Весёлые глаза счастливец закрылись, мгновение — и наступил мрак! Случайно проходящий мимо прыткий дружинник — обломок советского режима исполинского роста — без зазрения совести отобрал у мужика кратковременные моменты блаженства земным благополучием.

Дагестанский поэт Расул Гамзатов лучше, чем Чарльз Дарвин, проследил пути прогресса и регресса человека:

Произойти от обезьяны
Был человеку путь не мал.
В обратный путь пустился пьяный,
За час опять животным стал...

Бог богат и великодушен, поэтому одарил народную медицину уникальным древним рецептом: «Пусть лучше лопнет моя совесть, чем мочевого пузырь», — но природа слишком прямолинейна, она окружила человека густыми зарослями тропических джунглей и наделила катаньем на лодке в крокодиловых озёрах. И не надо было морочить голову людям, создавая за горой капитализм, а в степи социализм. Жуткая несуразность! Посему следует заслуженный упрёк в адрес природы: непредусмотрительность в наличии мест для декоративных фонтанов «Лето в детском возрасте».

Утром субботнего дня Крючкова, ошеломлённого обстоятельствами, разбудили в беспроцентном вытрезвителе, и молодой офицер жестоко выпнул его на улицу, провожая словами: «Мы благородного происхождения, поэтому или плати за крышу над головой, или убирайся». Ефрем застонал, перебирая всех изящными словами, в том числе и Панкрата, но добрался-таки до дома пешком, несмотря на то что на улице дул сильный холодный ветер. Уставший, он позвонил в дверь. Жена, скрытая за бигудями, открыла и удивлённо уставилась на блудного мужа, будто он — курчавый баран, заявившийся в нотариальную контору:

— Где ты по ночам шляешься, скотина? — желчный поток вылился на страдальца от зелёного змия. — Ну, валяй: что у тебя на этот раз?! — выставляя напоказ вызывающие аппетит ляжки, потребовала истеричная Фёкла.

— В трамвай не мог попасть, — отмежевался Ефрем, чувствуя себя немного виноватым: «Что это я, впрямь дом забросил?» — хотя совестливый мужик не знал, что в тот момент, когда он поздно вечером отчаянно топтался у порога, его обнаглевшая и обуреваемая страстями жена была занята своим любовником, и ей было не до тренькающей двери.

Зацелованная жадным до женского тела «возлюбленным», доступная дамочка улыбнулась про себя и не на шутку обрадовалась ответу непридирчивого мужа, поскольку вчера, услышав звонок, всё же немного напугалась: кому хочется быть застигнутым врасплох в неглиже с чужим мужиком? И в её круглой головке закрутился вопрос: «Кто же тогда звонил? Кажется, и в замке ковырялись. Или мне послышалось? Если грабители, то они зашли бы... Или я была настолько пьяна, что всё перепутала?»

— Что ты врѣшь? В трамваях уже для тебя место не оставляют? — с истерическим смехом начала раскручивать мужа на извинения жеманница.

— Какого чёрта ты так орѣшь? Закругляйся! Верещишь, аж тошно. Я не вру!

— Скажи, сам жив-здоров воротился — и слава Богу. Давай уж, не стесняйся, выговорись!

В ответ Крючков что-то проямлил, и Фёкла милостиво, как-то сразу подобрев, пропустила его в квартиру. Из объяснений мужа «пупсик в шалаше» поняла: ночь тот провёл с коллегами по бутылке. Всё же одно обстоятельство вызвало у неё негодование:

— Так почему ты сам не смог открыть дверь?

— Я ключи потерял, не помню где: то ли в пивбаре, то ли по дороге, то ли в вытрезвителе.

— Ах, сволочь, вору ведь найдут их и обкрадут нас! — от такого ответа Ефрема Фёклу будто парализовало.

М-да, если бы жулики нагрянули, то очень бы удивились «изобилию» нажитого семейством имущества...

— Я ничего не боюсь, потому что уже ничего не имею.

— Мерзавец! — яростно зашипела жена Крюčkова. — Я тебе свои ключи не дам. Иди и ищи те, что потерял. Надрался так, что мозгов совсем лишился!

И начались мытарства Ефрема. Где бы он ни был, всюду искал свои ключи, но, увы, они никак не хотели ещё раз встретиться с хозяином. А Фёкле это было только на руку, каждый день она подначивала мужа издёвками: «Куда же запропастился ключ? Надоело из-за тебя с кровати вставать. Да и вообще, твой ли это теперь дом?» Дошло до того, что «верная» жена уже без страха и зазрения совести, когда ей было удобно, приводила в квартиру своих ненасытных и пошлых любовников, и дверь во время утех, посмеиваясь до колик в животе, своему законному не отворяла.

Изумрудные воды залива иногда становятся серого цвета. Ефрем был доверчивым человеком, но наглость супруги была настолько явной, что даже он — воплощение наивности — стал подзревать её в нечистой игре. Поэтому в один из субботних дней, включив определённую силу воображения и применив ловкость рук, мужик стащил из её дамской сумочки ключи и побежал в мастерскую, где делают дубликаты. Он заказал себе аж три экземпляра и быстро вернулся домой, а пока их изготавливали, занимал жену разговорами и домашними делами, чтобы у той не возникло желания выходить на улицу и таскаться по магазинам. На его благо, стирки за месяц накопилось много, женщина была и так занята, но муж резво, суетливо и как никогда усердно помогал ей

справиться с заботами по хозяйству. Крючков даже похлёбку сварил, чего ни разу в своей семейной жизни не делал, чем донельзя удивил Фёклу: супруга была растрогана до глубины души и перестала отчитывать мужа, как несмышлёного ребёнка. Вечером заветные ключи были у Ефрема в кармане. Один экземпляр он оставил у себя на работе на всякий аварийный случай. Жена же не догадывалась, что Крючков что-то задумал, ведь мужу редко удавалось обвести её вокруг пальца. Эх, самолюбие, как же ты слепой!

После этих событий прошло где-то месяца два-три. Одна женщина с работы, Зинаида Казакова, весьма соблазнительная и обладавшая приятными чертами лица особа, давно провожала Ефрема чувственными взглядами и всячески намекала ему на возможное «сладкое» будущее. Катакомбы перестройки и гласности развили неуёмное воображение демократичных коммерческих сделок между неугомонными мужчинами и женщинами. К тому же врождённые способности человека и всеобщая двойственность природы заставляют его идти к отдалённой цели, не сворачивая. Такой путеводной звездой для Зины оказался Крючков. Она была весьма интересной дамой и от отсутствия мужского внимания не страдала. Но чем-то именно Ефрем пришёлся ей по вкусу. Разве женщин поймёшь? Особенно тогда, когда они озабочены общеизвестным простым вопросом: «Как привязать к себе мужчину?»

Муж Казаковой год назад погиб в автокатастрофе, и она, как говорят, была «холостая». После короткой беседы в роковой, а может быть, и счастливый для обоих обеденный перерыв между Ефремом и Зиной установился тесный контакт, дальше активно пошли шуры-муры, и вскоре он, когда единственный взрослый сын вдовы уехал в командировку, посетил милую. Люди понравились друг другу. Крючков понял, что Зиночка — не мимолётная любовь, а неиссякаемая волшебная шкатулочка страстных чувств. Но когда вскоре не вовремя вернулся отпрыск Казаковой, «молодой чете» встречаться стало негде. А Ефрему позарез надо было ещё хотя бы пару раз «обняться» с Зиной, и он, сильно сокрушаясь из-за препятствия, недолго думая, рискнул пригласить её к себе: практика является источником познания. Хорошо всё продумав и рассчитав, мужик, договорившись с Зинаидой встретиться у него, прекрасно знал, что жена должна в это время быть на работе. Любовники едва приступили к доказательству того, что любовь есть хотение, но не прошло и получаса, как противно, во всю мощь своей несправедливости, не переставая, загремел звонок.

Ефрем глухим голосом тихо объяснил подруге:

— По всей вероятности, я не могу обходиться без трудностей. Кажется, это моя жена,— и злорадно улыбнулся.— Гуляет где

хочет, а я в силу обязательств должен обращаться с ней вежливо, чтобы она мираж удачи не пропустила со своими любовниками. Надо мной уже люди смеются. Она практически превратила меня в ничтожество... Ведьма! Старое дырявое ведро!.. Только странно, что звонит. Она — тёмный лес для меня... — пылая гневом, муж Фёклы рассказал Зине, что с ним недавно произошло. — Она ведь в курсе, что у меня ключей нет. Чего в пустую квартиру трезвонить?.. Я не собираюсь ей поддаваться. И так столько терпел, — он действительно мог гордиться своей выдержкой. — Пойти потолковать с ней, что ли?

— Зачем тебе это? Но я согласна с тобой. Нельзя же мужика эксплуатировать безгранично, — угрюмо поддержала его Казакова, и повисло неестественное молчание...

Вот и вышло так, что теперь уже Ефрем не открыл жене дверь, мстительно ожидая, когда она уберётся, поскольку считал, что она так и не оправдалась перед ним.

Но и Фёкла не дура! Она, недолго думая, прыгнула в тот же вечер в постель к молодому и холостому соседу. Нашла баба выход, как вылечить изнурительную болезнь под названием «скука». Среди ночи Крючков, теперь уже заклятый враг жены, детально обследовав прилегающие к квартире территории, понял, что путь чист, и выпроводил подругу. А через несколько минут сам, безумно счастливый, тоже шмыгнул в темноту, еле поспевая за ароматом любви и свободы — Зинойкой.

Иногда улица для утех лучше, чем тёплая квартира...

Вечером следующего дня Ефрем пришёл с работы. И несколько не удивился, увидев, что около двери, прислонившись к лестничным перилам, торчит жена, с высоко зачёсанными волосами, в короткой юбке с разрезами по бокам, и трясётся от гнева, словно подхватила жёлтую лихорадку. «Точно, бабья жизнь проклятая. Вот и отлично! Пускай! Хотя разные периоды жизни — и бабы разные. Но тебя-то я уже знаю как облупленную», — подумав так, Крючков хотел поздороваться и невозмутимо пройти мимо как ни в чём не бывало. Мало ли чего она тут стоит, зачем лезть в личное пространство человека? Но всё же не удержался и, едва сдерживая смех, безразличным тоном спросил:

— Ты кого здесь караулишь?

— А-а-а, дезертир, попался! Разумеется, тебя! — жадно наблюдая, как двигаются его губы, презрительно ответила супруга. — Что зарос в землю? Не думал меня здесь увидеть?

— Глазам не верю! С каких это пор ты стала меня так встречать, как короля, — при полном параде? — недоверчиво окинул взглядом свою жену Крючков.

— А почему бы и нет? Я даже очень рада видеть тебя.

— Не заливай. Наверно, просто заблудилась.

Тут Ефрем засёк, что Фёкла одной рукой медленно всё выше и выше поднимает подол ярко-синей юбки, обнажая весьма недурные упругие бёдра. Он, вообразив её без одежды, в душе сказал себе: «Не женщина, а настоящая бестия. Может увлечь любого мужчину. Что же я на стороне-то ищу?» Мгновенно в нём вспыхнуло пламя желанья, но мужик, понимая всё же, что на сей раз мечтать вредно, с трудом сдержался.

— Не делай так, а то украдут. Хоть сто рублей, да наши. И не считай себя всесильной, ты живёшь среди людей, а люди — те же звери, забыла?!

Фёкла поправила свою одежду. На лице её отразилась неимоверная скука, а глаз-то волком смотрит.

— Не бойся, я не восточная женщина, мне за паранджой прятать нечего. Пусть все видят, какая я некрасивая, раз муж по ночам дома не ночует.

Хотя тут она кривила душой. Говорят, что женщинам всего дороже их красота, так на макаронной фабрике гордятся длиной макаронины.

— Просто я тоже ключи потеряла. Крючков, будешь со мной всю ночь, притом ежесуточно? — и она по всем правилам искусства соблазнения подала вперёд свои естественные возвышенности, по-иному — отменные груди, так, будто в них кипятилок булькал. Фёкла, несомненно, знала себе цену.

— Буду, только как мы в квартиру попадём, душка?

— Да хватит врать-то! И слёзы счастья спрячь. Что ты мне голову морочишь? — зло выплюнула супруга Ефрема. Ноздри её были раздуты. — То, что ты дурак, это ясно. Ты — топорная работа твоего отца, поэтому идти в гору тебе не под силу. А меня-то зачем за дуру принимаешь? Совестно на глаза людям показаться. Мне соседи доложили, что вчера ночью ты был здесь со своей проституткой, — наглая, да так, что ломиком танк перевернёт. — И даже не надейся, что у меня тут же начнутся боли в левой половине грудной клетки. Сдался ты мне!

Огонь ревности успел причинить ущерб, или какие-то новые непонятные чувства зародились во Вселенной? Сама женщина вытворяла всякие мошеннические проделки — и хоть бы хны. Но бедный Крючков, похожий на прозрачный забор, не уловил предупредительные сигналы о грядущем, попался на удочку и стогоряча, словно ему подсунули подержать в руках раскалённое железо, довольно неуклюже лавируя между рискованными выражениями, высказался — он больше не в силах был сносить упреки:

— Хватит раздувать кадило! Во-первых, она — не проститутка... Она — буженина, повкуснее некоторых будет, и нечего вешать ярлыки! Слушать противно! — его трудно было узнать: Крючков, тихий Крючков клокотал от бешенства, он бы не отказался в данный момент от физической расправы над женой. — Во-вторых, я ничего постыдного не совершил, только двадцать лет промучился с геморроем, живя с женщиной таких высоких моральных принципов, как ты... Жаль... Совесть проснулась? Поздно... А у тебя под мышками уже появились влажные круги от пота...

Фёкла от неожиданности опупела:

— Ну и что с того?

— Бедный я, несчастный... Какая ты тупая! Пора изменять — вот что! Даю тебе свободу. Я не люблю ни тебя, ни её. Оставь меня в покое! Ни я не занимал у тебя, ни ты мне не должна. Чужая ты мне! Подумай над этим и будь здорова! Займись проблемами интимной жизни. Я не собираюсь платить бесконечно своими рогами...

— Ага! Значит, у тебя ключи и в самом деле есть.

Во как хитро! Знала ведь: на войне главное — победа.

— А ты что думала? Когда я, как щенок, стоял у двери и скулил, просясь домой, ты наслаждалась любовными утехами; теперь я тебя не буду пускать в мой дом. Ты же не подушки обнимала с гагачьим пухом... Мы с тобой квиты, иди слушать кантату развода!

И, особо долго не размышляя, Ефрем распахнул дверь в квартиру, зашёл и, с издевательской улыбкой помахав жене, демонстративно взялся за резную ручку. Фёкла рванулась за ним с эгоистическим стремлением к самосохранению.

— Начинается борьба за место под солнцем? Рискованное мероприятие! Не советую тебе делать это, и ни к чему твоя резвая суета. Здесь квартира, а не комиссионный магазин,— замыслова-то произнёс Крючков и закрыл вход в тёплое пространство прямо перед носом зажавшейся от наглости супруги.

Изгнание из рая состоялось.

Почему в природе все существа производят на свет только себе подобных, а люди, как всегда, выделяются? У собаки рождается собака, от тигра — тигр, от шакала — шакал, а вот от человека — всё что угодно! Это, разумеется, не новое открытие, только давайте лучше вспомним мудрые слова Фаины Раневской: «Отсутствие вкуса — путь к преступлению»...